О МОРЕ И АРАЛКУМАХ

17 июня планета по инициативе ООН отметила Всемирный день борьбы с опустыниванием. Тема опустынивания и деградации земли близка каждому узбекистанцу. В стране — жаркий климат, засоление почв, нехватка водных ресурсов, и, наконец, высыхающий Арал. Что там, на Арале, сегодня?

\»Новый век\», №25, 18 июня 2009г. **С Устюрта мы спустились по чинку к Западному Аралу, затем на катере промчались километров двадцать до мелкоты, и по ней шлепали с километр до суши. Она продавливалась при каждом шаге. Позади синело море. Суша несколько дней назад была дном. Машина могла увязнуть в ней, и потому ждала людей в отдалении. Геологоразведчики прибыли сюда, чтобы искать нефть и газ. Журналисты, чтобы увидеть два моря и Аралкумы.**

Западное, мы убедились, существует. В этой части Арал и прежде имел самые большие глубины, в несколько десятков метров они и ныне. Случаются шторма. Но сейчас море почти не слышно, штиль. Мы — на полуострове Возрождения. Когда-то был островок на Арале, с уходом воды распростерся на двести квадратных километров, а, наверное, и больше. Выходим на него, как черноморы. Закатанные штанины дубеют на глазах, меняясь в цвете, словно только что из бетонного раствора.

Мне на осушке приходилось бывать и раньше. Обозревала ее с Муйнакского пирса. Слышала от местных: вода была столь прозрачна, что если бросить в нее кольцо, его с пирса было видно. Теперь бросишь, утонет в песке. А вокруг – ржавые суда. Корабли-скелеты с ободранной обшивкой похожи на обглоданных рыб. На этот раз мы посмотрели на кладбище кораблей с высоты. АН-2, не спеша, преодолевал пару сотен километров над Аралкумами. Тень самолета плыла над желтыми песками с зелеными шапками саксаула, над почти черными топями с белыми прогалинами, белой плоскостью соли и снова коричневой, желтой. Море сверху казалось сочно-зеленым, а чинк плато

Устюрт – составленным из геометрических фигур…
И вот теперь трясемся в машине по барханам. Спутники замечают впереди лагуну, но это мираж. Видим сайгаков – они явь. Бегут наперегонки с машиной, и мы начинаем считать «один, пять, десять…» Геологоразведчики здесь работают вахтами, и прибывшие с нами тут не впервой. Про сайгаков сообщают, что их популяция ограничивается теми, что видели. Если учесть, что на Устюрте сайгаков уже нет, истреблены, ушли подальше от дорог, то эти – золотой фонд Узбекистана.
Над дальним барханом плещут флаги. Что представляет собой база геологоразведчиков? Две-три «улицы» из балков и вагончиков. Старожилы нам много рассказывают про работу, а под конец интригуют загадкой: «Объясните феномен. До Устюрта более шестидесяти километров, он — за линией горизонта, но рано утром увидите чинк». Рваный край Устюрта высотой метров в сто-двести сколько ни всматриваемся, на закате не видим.

Подъем в пять. В шесть начинается рабочий день. Солнце встает и вот он, устюртский чинк. Он — не мираж, а оптическое явление, связанное с преломлением лучей в море. Когда рябь и ветер – не виден. Но и в штиль чуть повыше поднялось солнце –исчез. Нам подсказали отгадку. Есть загадки, на которые пока нет ответа. Например, как влияет на Аралкумы разъезжающаяся поутру техника? Визжат и поскрипывают полозья буровых установок, лязгают гусеницы вездеходов, перемалывая песок.
Пустыня, образовавшаяся на высохшем дне Арала, занимает более четырех миллионов гектаров. Где-то дно уже сцепила растительность, но на огромных площадях — пески. Мы отправляемся намеченным маршрутом по дороге, которой в привычном понимании нет. Есть главная колея, и едем по ней. Справа и слева заметны параллельные. Водитель крутит руль и прокладывает свою колею по целине. Мы комментируем, что точно так же ездят по Устюрту. Плато изрезано и разрушается хрупкая экосистема. Водитель прислушивается, возвращает внедорожник на «магистраль» и застревает. Из-под колес на холостом ходу фонтаном взлетают пыль и песок.
Хорошо, что есть рация. Наш сигнал бедствия принят, и, ожидая прибытия чуда на гусеницах, мы наблюдаем за пустыней. Какая она разная. Где-то желтая, где-то белая. Широко расставляя ножки, бегают по пескам жуки-пауки. Осушка оживает, вот и песчанки осваивают новую территорию. Их колонии отмечены многочисленными норами. «Пыльные бури бывают?» — «Вчера была». Нам кажется, что мы что-то упустили, не испытали. А в ответ слышим: «Вам повезло».
Похоже, нам и в самом деле повезло не попасть в пыльную бурю, потому что за любой машиной парят шлейфы. Вот и вездеход, выдернув внедорожник, умчался в облаке. Шлейф за ним мы рассматривали, как набросок художника. Одна из задач таких вот вездеходов – выбирать новые транспортные пути. Сейсморазведчики двигаются по дну Арала в разных направлениях. И вовсе не факт, что там, где наметили, пройти удастся без особых проблем.

На особые проблемы лучше не нарываться. Они там, где вода ушла недавно. За короткое время пребывания на полуострове Возрождения мы уже наслушались историй о застрявшей технике. Застревало все – внедорожники, большегрузные машины, вездеходы и даже 30-тонный болотоход.

Топи и болота покрывает тонкая корка то ли жижи, то ли соли. Как раз к такой соляной корке мы и подъезжаем. Ощущение, что находимся на Луне. Давит серое небо. Соль вперемежку с пылью тянется до самого горизонта. Прорвется сверху луч солнца — и матовая поверхность заблестит. Но на каток она не похожа, может быть, местами напоминает ледок после первых осенних заморозков. Идешь – потрескивает, а позади остается цепочка черных вмятин.

На болотоходе мы отправляемся на Восточное море. Практически с первого такта, шага, метра соль тонет в серой жиже. Как она чавкает, слышно даже при реве мотора. А человеческий голос в этом реве теряется. Край кузова – почти под подбородок. Локти – на край, лицо в ладони. Что это? От эмоций просто немеешь. Что говорить, что кричать? Два мокрых следа от гусениц виляют по белой равнине. И не Луна это больше, а земля зимой, снег подтаивает, вот и остаются черные полосы. Да только в лицо бьет жаркий ветер. Разворачиваешься вперед по курсу, а тут уже южное море, и качается вдали катамаран — главное плавучее средство на Восточном Арале с глубинами в два метра.

Путь назад – полная оторопь от всего увиденного. Известно, что Арал за свою историю не раз уходил. Уходил и возвращался. Но впервые Арал ушел по вине человека. Пройдет еще пять-семь лет — и Восточная его половинка высохнет. Уже сейчас это не море, а белесый рассол. Болотоход тормозит в точке отправления. Отсюда мы идем пешим ходом до вездехода. Потом на вездеходе едем по соли до старой осушки, где поджидает нас внедорожник. А дальше маршрут пролегает к крутым берегам острова Возрождение.

Море от них стало отступать в конце шестидесятых годов прошлого века. Мы ходим по вылизанным валунам, больше похожим на скульптуры. Но не человек над ними трудился, а вода.

Направляемся туда, где мыс и маяк. Машину оставляем на мысу, а сами опять спускаемся на дно. Здесь в бесконечность тянется пара труб. Их прокладывали к уходящему морю жители городка Кантюбек. Теперь эти трубы идут ниоткуда и в никуда. Остров брошен. К нему ходили большие корабли, это им светил маяк. На доме служителей маяка дембельской рукой накарябаны какие-то прощальные слова. Сохранились на нем

штукатурка и даже местами побелка. На земле валяется ржавая ручка от двери. Впрочем, это уже не дом, а развалины. Держится одна стена с крыльцом и проемом окна. С одной стороны в окно посмотришь – мертвый город, с другой… Под окном стоит внедорожник как гость из будущего.

Будет будущее или нет у араломорской впадины? Разведочная скважина в ней уже бурится. Найдут геологоразведчики нефть или газ — сюда потянется техника в совсем иных пропорциях. Людям месторождение даст работу. Не ясно, что ждет Аралкумы.

Наталия ШУЛЕПИНА

\»Новый век\», №25, 18 июня 2009г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

20.06.2009